

Научная статья

УДК 323

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-5-15-27

АКАДЕМИЗМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Александр Константинович Дегтярев

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
rse1985@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9823-3966, AuthorID РИНЦ: 309145,
AuthorID Scopus: 57214505444, SPIN-код: 9424-7748*

Аннотация. *Цель исследования.* Представленная статья посвящена актуальной проблеме высшей школы. Академизм отечественного высшего образования определяется традицией фундаментализма, идеалом «Университета». В то же время академизм в современных условиях характеризуется бифуркационным состоянием высшей школы и выбором оптимальной системы развития. Государственная политика в сфере образования акцентирует внимание на стратегию академизма, благодаря которой ожидается эффект перехода системы высшей школы на достижение технологического суверенитета страны на основе включения внутреннего творческого потенциала вузов.

Методология исследования. Реализуя заявленную цель исследования, автор опирается на субстанциональный и феноменальный подходы в анализе академизма высшей школы.

Результат исследования состоит в том, что академизм выступает в качестве вектора развития высшей школы, являясь при этом культурно-историческим явлением, которое в настоящее время выражает конвергенция классического и постнеклассического образования. В то же время актором академизма становится человек творческий как субъект коллективного действия, который способен продолжать исторически развивать академизм высшей школы.

Перспектива исследования заключаются в использовании данной работы для дальнейшего анализа академизма высшей школы в пространстве отечественного высшего образования.

Ключевые слова: академизм, высшая школа, традиция, фундаментальные науки, классическая наука, постнеклассическая наука, субъекты высшего образования, человек творческий

Для цитирования: Дегтярев А. К. Академизм высшей школы: история развития и современное состояние // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 5. С. 15–27. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-5-15-27>.

Благодарности: статья выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-239.2022.2) «Академическое лидерство в пространстве развития транспрофессиональной идентичности и формирования рынка новой экономики в условиях дигитализации и регионализации высшего образования».

Original article

HIGHER SCHOOL ACADEMISM: HISTORY OF DEVELOPMENT AND CURRENT STATE

Alexander K. Degtyarev

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
rse1985@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9823-3966, AuthorID RSCI: 309145,
AuthorID Scopus: 57214505444, SPIN: 9424-7748*

Abstract. *The purpose of the study.* The presented article is devoted to the actual problem of higher education. The academism of Russian higher education is determined by the tradition of fundamentalism, the ideal of a «University». At the same time, academism in modern conditions is characterized by the bifurcation state of higher education and the choice of an optimal development system. The state policy in the field of education focuses on the strategy of academism, thanks to which the effect of the transition of the higher school system to the achievement of technological sovereignty of the country based on the inclusion of the internal creative potential of universities is expected.

The research methodology. Realizing the stated purpose of the study, the author relies on substantial and phenomenal approaches in the analysis of higher school academism.

The result of the research is that academism acts as a vector of development of higher education, being at the same time a cultural and historical phenomenon, which is currently expressed by the convergence of classical and post-non-classical education. At the same time, the actor of academism becomes a creative person as a subject of collective action, who is able to continue to develop academism of higher education historically.

The perspective of the study is to use this research for further analysis of the academism of higher education in the space of domestic higher education.

Keywords: *academism, higher school, tradition, fundamental sciences, classical science, post-non-classical science, subjects of higher education, creative person*

For citation: Degtyarev A. K. Higher school academism: history of development and current state // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(5): 15–27. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-5-15-27>.

Acknowledgments: *the research was performed within the grant of the President of the Russian Federation for state support for the leading scientific schools of the Russian Federation (NSh-239.2022.2) «Academic leadership in the space of development of transprofessional identity and formation of the new economy market in the conditions of digitalization and regionalization of higher education».*

Введение. В настоящее время российская высшая школа вступила в период целенаправленных преобразований, связанных с решением задач достижения научного, интеллектуального и технологического суверенитета государства. Главной особенностью современной ситуации является то, что в условиях санкционного режима явно

проступает тенденция отставания во всех социальных сферах, от запросов, выдвинутых обществом и имеющих стратегического характера для государства. Реально страна «пропустила» две технологические революции, что накладывает негативные отпечатки и усиливает рискогенные факторы в рамках глобального противостояния.

В этом контексте очевидной становится проблема реформирования российского высшего образования, которое, к сожалению, не ушло от схем 90-х гг. XX в., представляющих собой постоянное отложение разрешения проблем безработицы в среде молодежи, а также использование наследства прошедшей советской эпохи.

Также немалый дискурс имеют вопросы по коммерческому преобразованию высшего образования и наполнение его не специалистами в данной области, а менеджерами. Это создает затруднения для формирования кадрового состава, связи поколений, а также перевода высшего образования на путь опережающего развития. Не ставя под сомнение стремление экономических структур укрепить высшее образование, подготовить передовых специалистов в различных областях, объективно нельзя избежать стремления дать оценку потенциалу высшей школы.

Поэтому не является секретом то, что в период наступления рынка были потеряны многие отечественные научные школы, авторитет российской науки снизился. С этим обстоятельством также связано падение спроса на российских специалистов в мире. Таким образом, существует необходимость определить основные векторы развития высшего образования и вместе с тем рассмотреть вопрос об академизме высшего образования, который до сих пор является дискуссионным и испытывает влияние разнонаправленных интерпретаций.

Так, «консерваторы», ссылающиеся на опыт академизма как традиции российской науки и высшего образования, обращаются к историческому наследию, заслугам в сферах науки и образования; «радикалы» обращаются к опыту прогрессивных зарубежных университетских и научных ассоциаций и недвусмысленно говорят о необходимости «сноса» высшего отечественного образования, чтобы на его «руинах» построить новую систему по зарубежной модели.

Не останавливаясь на подобных высказываниях, необходимо начать говорить о том, что российское высшее образование исторически и актуально развивалось на основании собственного потенциала, где обращение к опыту предшествующих поколений является поддерживающим фактором, а также при-

знанием нового российского ученого в мировом научном сообществе на основе продолжения исследовательского дела в настоящем времени (Алферов, Абрикосов).

В связи с этим актуально направление сбалансированного подхода, отказ от «революций» и анализ реальных перспектив российского высшего образования, поэтому академизм не может интерпретироваться как расширение сферы компетентности высшего образования на основе присоединения академических структур. Вместе с тем ошибочным является перекладывание миссии отечественной науки на высшую школу, которая имеет собственные задачи и ресурсы. Для того чтобы развернуть аргументированную позицию, направленную на принятие обдуманных решений и сочетающую актуальные и стратегические приоритеты, необходимо обратиться к истории развития академизма как к направлению российской интеллектуальной мысли, которая связана с фундаментальной наукой и ценностями.

Необходимо внести ясность в то, что российская наука и высшее образование развивались под девизом познания, рационализации всех сфер общественной жизни. В этом смысле и не допускались направления, формирующие паранаучные теории, и стояли на позиции диалектического материализма. Следовательно, не имеет смысла обращаться к постмодернизму, который принципиально отказался от больших нарративов (масштабных научных исследований) и дискриминационных практик по возрастному цензу.

Академизм не является статичным явлением, имеет культурно-исторические корни и обращен к эпохе Просвещения. Это может вызвать риски имитации и архаизации, что подтверждает опыт европейской интеллектуальной истории, в которой были периоды «средневековья», то есть склонности к поддержке радикальных течений и демифологизации, которые создают негативные тенденции к утрате национальных научных школ [6].

Более того, как отмечает европейский исследователь Фр. Тернер, для подобной утраты были другие фундаментальные причины, такие как расставание с ценностями эпохи Просвещения, которые были внешне связаны с научными открытиями [11], но в действительности были объединены с субъективист-

ским поворотом, переходом к релятивизму научных и образовательных ценностей. Поэтому трудно ожидать, что такой поворот мог способствовать укреплению, а не опровержению академических установок.

Исходя из этих обстоятельств, можно говорить о желательности и допустимости рассмотрения данной проблематики, выявлении влияния традиции и инновации, актуализма и перспективизма, системного анализа современного состояния высшего образования, чтобы понять и оценить, в каких рамках и в каком направлении можно и должно развивать академизм российской высшей школы, при этом определяя академизм как долгосрочный проект, подразумевающий изменения ментальных практик субъектов высшего образования.

Методология. Данное исследование по актуальности проблематики предполагает обращение к схеме рациональности, описанное российскими учеными Степиным, Гороховым, Розовым. В ней говорится, что есть необходимость обращаться к науке как к традиции в понимании инноваций, структуры научного познания. Также важным моментом является то, чтобы определить вектор и содержание научной революции, то есть переход от классической к постнеклассической науке [1].

Отмечая это обстоятельство, мы соглашаемся с позицией «умеренности», с тем, что академизм является социально-познавательным и социокультурным феноменом, который определяется особенностями научного познания и образовательным процессом. В значительной степени представляется, что академизм есть результат и наслоение социальной и исторической памяти. Однако и непосредственное знание об академизме предполагает, что имеется надежный методологический инструментарий, который не ограничивается указанными замечаниями.

По существу, обоснованным является рассмотрение двух основных подходов к академизму — к субстанциональному и феноменальному, которые исходят из альтернативных интеракций и для которых важным является извлечение природы академизма по объективному критерию как «натурализация и объективация знания», как явление,

рождаемого в процессе научно-познавательного поиска.

Конкретизируя данное положение, можно сказать, что субстанциональный подход уходит в онтологизацию науки и образования. Имеется в виду, что в этих сферах субъект взаимодействует с глубинными сущностями и трансцендентальными объектами. Конечно, консервативная тенденция выявляется в переживании традиции, ритуала научных отношений. Разумеется, с возобновлением научной деятельности субъект практики всякий раз учитывает материализованный опыт как уже методологическую предпосылку, и цикл традиции повторяется на более высокой основе.

Субстанциональный подход, таким образом, определяет традицию как нахождение субъекта познания в центре мира, то есть следует понимать фиксацию фактов имманентности традиции, ее значения как механизма воспроизводства науки и образования, отношения к инновациям как не имеющим смысла, если традиция забывается. В свою очередь, академизм как тождественность традиции требует непрерывности передачи научного опыта, признания классики и суверенитета классической рациональности. В контексте рассматриваемой проблемы становится очевидным, что в российской интеллектуальной сфере традиция содержит и внешнее влияние, связанное с утверждением и обоснованием уникальности российской науки и образования как основы российской цивилизации.

Если же обратиться к феноменальному подходу, то в его рамках современная эпоха не отделяется от прошедшего времени со ссылками на физическую революцию, в период которой прошла легитимация феноменальности. Если это рассматривать на конкретных примерах, то проявляется подобное явление как развитие научной теории и ее влияние на сферу высшего образования в результате конфликтности между наукой и образованием. Тем самым на феноменальном уровне образование оказывается более открытым по сравнению с наукой, в которой академизм становится «камнем преткновения» к изменению научной структуры, ее задач по отношению к высшему образованию, поскольку в развитых в тео-

ретическом плане дисциплины нарушают программно-предметную симметрию. Здесь следует определиться с тем, что симметрия не может быть нарушена при условии взаимодействия традиций.

Это важное доказательство, имеющееся в известных закономерностях академизма, выражается в обязательности соотношения традиции конкретной сферы знания с аналогичными параметрами в других сферах. Феноменальный подход может решить обозначенную проблему тем, что допускает асимметрию как отказ от академизма путем абсолютизации достижений в определенной сфере научного знания.

Но если мы обратимся к истории науки и образования, к тому, что современное высшее образование существует в переходном периоде как информатизация, то есть переход к режиму онлайн, созданию искусственного интеллекта, выявляется фактор рискогенности в нарушении академизма. Еще в 20-е гг. XX в. стало модным обращаться к кибернетике и не обращаться к идеалам академизма.

Если разобраться, почему закончились споры о преобразующей миссии кибернетики, выяснится, что в ней весь образовательный процесс определялся непомерными амбициями в оценке нестабильности исследуемых состояний, в игнорировании сомнений по поводу отклонения академизма от многовековой культуры традиции, обращении к миру эмпирии через признание триады «субъект-природа-культура» [10]. Образование, продолжающее академизм, согласно феноменальному подходу является порождением экзистенциальной тоски по порядку, но якобы не учитывает реалии современного мира.

Чтобы не быть пристрастным исследователем, следует определить и охарактеризовать понимание современности высшего образования, поскольку не все новое является полезным, не все прогрессивное помогает разрешать проблемы высшего образования. Примером являются эксперименты в сфере высшей школы. Если мы согласны поддерживать идеал академизма как внесение инноваций в высшее образование, не нужно изобретать «третий» подход.

Действительно, схема трех типов рациональности основывается на синтезе субстанционального и феноменологического подхо-

дов, так как подразумевает то, что академизм является традицией, относимой как к наследию, так и к тому, что можно определить как актуальная нормативная культура. В контексте реализуемого нами исследования академизм является широким пониманием традиции, адекватным выбором цели высшего образования, фактов настоящего, определяющего собственные временные горизонты.

В итоге высшее образование включает академизм на основе селекции истории и науки, которая полезна в том контексте, чтобы не «изобретать велосипеды» и не повторяться в ошибках реконструкции традиции. В конкретном контексте речь идет о том, что постнеклассическая наука не является тем, что может вызвать кризис постмодерна, то есть отказ от устойчивых параметров развития образовательной системы. Поэтому если не обращать внимание на отношение к инициированной волне проблем академизма, то следует признать, что в широком контексте академизм призван быть «якорем» образования, преодолевать разрывы между существующей системой образования и реальными условиями жизни общества [4]. Академизм позволяет надеяться на преодоление технологического и научных барьеров.

Объясняя это положение, необходимо указать на то, что академизм измеряется в идеальном значении, в том, что придает сторонникам инновации в высшем образовании два преимущества. Первое состоит в том, что не следует ввязываться в дискуссии по поводу академизма, обретающие деструктивный характер, в связи с тем, что сторонники классического академизма, часто не скрывая перемен в высшем образовании и участие в этом процессе, делают свою позицию «средневековой», опираются сугубо на авторитеты и не утруждают себя реальными сдвигами в процессе изменения высшего образования. С другой стороны, академизм является стимулом к готовности к переменам, к пониманию того, что образование не может стоять на месте и вера в достигнутые результаты не отменяет необходимости динамики в высшем образовании.

О. Долженко пишет, что в России проблема образования выдвинулась в число первостепенных и страна нуждается в образовании и в выходе из старой размерности [5]. Одно

становится очевидным: в определении координат в развитии высшего образования академизм подходит в наибольшей степени на обоснование этого процесса. К примеру, информатизация высшего образования в российском контексте не может быть воспроизводством «отверточного цикла» использования информационного продукта, ставящего отечественное образование в зависимость от производителя. Поскольку академизм ориентирован на селекцию интеллектуальных продуктов, постольку важным становится нахождение соразмерности информатизации и нарабатанных прикладных исследований [12].

Поэтому, например, провозглашенная в американском обществе «Идея Университета» свидетельствует о том, что есть сложности в восстановлении идеалов целостного образования, направленного против киберсоциализации и технологизации. В контексте российского высшего образования академизм утверждает осторожность в отношении либерального образования и определения «образованного человека» как носителя классической науки и искусства [13].

Это не является противоречием, так как университет должен давать широкое образование, и в таком случае имеются основания для подготовки специалистов академической соразмерности. Анализируя взгляды зарубежных исследователей в сфере динамики высшего образования, отметим, что для российского общества традиция академизма может быть восстановлена через обращение к ценностям профессионального образования, к тому, что идеал «университетского знания» предполагает, что вузы поднимаются до уровня университета, что осталось место для классического образования и гуманитарного цикла. В то же время есть необходимость градуирования академизма, нахождения оснований для выбора оптимальной интерпретации в условиях определения приоритетов развития высшего образования.

Для современного российского образования текущей задачей является его информатизация, следовательно, нужно делать акцент на опыт российской математической школы, включать в параметры учебно-образовательных программ понимание логики развития науки, формирование исследовательской

культуры и таким образом избегать тенденции специализации при расхождении с идеалом университетского образования.

Если в XX в. успеха достигло естествознание, особенно в физической и химической теории, то в XXI в. на первый план выдвигается задача различения «теологии и новейших технологий». Говоря о методах исследования, можно согласиться с тем, что нельзя отменить дедукцию, исходящую из истинности академизма, из того, что академизм как традиция в широком смысле не связан с неправомерными перенесениями на почву образования.

Конечно, есть логика реального академизма, воспроизводимая в исследовательской сфере, и идеального порядка развития высшего образования. Таким образом, для цели высшего образования проблемы не ограничиваются узкой логикой соотношения «традиции-инновации». В данном контексте необходимо обратиться к тому, что академизм испытывает влияние разделения эмпирии и теории, что если классический тип образования, связанного с академизмом, имеет возможность логически непротиворечиво обнаруживать развитие научных идей и законов, то сформировавшиеся модели высшего образования в российском обществе являются нестабильными и до сих пор подвергаются экспериментам [9].

Вероятно, академизм как одобряемый социокультурный и социально-познавательный механизм вселяет надежду на придание вектору высшего образования устойчивости и стратегичности. Утверждая данную мысль, мы приходим к выводу, что обоснование академизма находится в сфере компетентности акторов высшего образования и аргументы исторического характера по отношению к научным революциям являются целью обоснования инновационности при сохранении академизма.

Важно показать существенную связь между академизмом и высшим образованием в объективном и субъективном контексте. Реализация данной исследовательской цели актуализирует академизм в рамках диагностики высшего образования с соотнесением эффективности предписываемых усилий в различных сферах образовательной деятельности, в сохранении традиции российской науки.

До определенного времени академизм ассоциировался с естествознанием. В то время, когда речь идет об актуальности ввода информационных и гуманитарных технологий, уместно говорить о том, что информационные технологии поддерживают инновационный срез высшего образования, а гуманитарные сохраняют университетский идеал.

Исторические типы рациональности, описанные российскими учеными, характеризуют особенное состояние научной детальности и, следовательно, перемены в интерпретации академизма. Это позволяет поддерживать положение о широком смысле академизма, не ориентируясь исключительно на классическую науку и рациональность (естествознание XIX в.) и учитывать связи между образованием и современной наукой, которую часто описывают в энтропийном состоянии [7].

Придерживаясь последовательности в реализации и в методологическом выборе, мы соглашаемся с тем, что в академизм вносятся определенные ограничения, связанные с его использованием в некоторых познавательных операциях, с тем, что нельзя делать академизм фактором для блокирования новых подходов в образовательной системе. Есть основание полагать, что изучение истории, актуализма и позитивизма в российском высшем образовании в перспективе определит будущий сценарий развития образования. Разумеется, выдвигаемые методологические положения характеризуют реальный поворот образования от предметных к методологическим проблемам.

Содержание. Отметим, что академизм в российском высшем образовании находится в стадии становления. Это связано с укоренившейся традицией данного социально-познавательного феномена к научно-исследовательским практикам и включением в сферу высшего образования. Нетрудно понять, что академизм в сфере образовательной деятельности требует определенных концептуальных и практических усилий. Речь идет, во-первых, о сложностях в разработанности концепта академизма и его приложимости к сфере высшего образования, во-вторых, о размытости познавательных и ментальных практик, которые охарактеризовывают акаде-

мизм как схему образовательной деятельности субъектов высшего образования.

Таким образом, для определения вектора академизма в системе высшего образования требуется понимание того, на какой стадии находится российское высшее образование, в какой степени за прошедший этап развития проявлялось влияние академизма и какие оптимальные формы может принять академизм в современной и будущей ситуации.

Ответы на эти вопросы вызывают проблемную ситуацию, поскольку приближенный анализ современного состояния высшего образования охарактеризовывает его как нестабильное, подверженное влиянию инноваций, которое можно определить как поспешное, непродуманное и связанное с политикой рецессивности, с копированием западных образцов в контексте развернутой Болонской системы.

Очевидно, что предпринимаемые усилия, связанные с повышением престижа высшей школы, в значительной степени были ориентированы на мгновенный успех и не учитывались инерционные и консервативные факторы. В этих условиях важным являлось взятие «вершин», которые должны были поставить российское высшее образование в систему престижных университетских центров. Однако, как выяснилось чуть позже, на Западе работает система интеллектуального постколониализма, которая реально ставит российское образование на периферийные позиции.

Сейчас идет дискуссия о пересмотре положения Болонской системы в рамках российского опыта, основными претензиями к которой являются отсутствие обратной связи и составление рейтинговой системы, позволяющее как учитывать реальные достижения развития системы высшего образования, так и создавать ложные.

Также нельзя сбрасывать со счетов, что политика в сфере высшего образования во многом стала зависимой от монополистического влияния определенных групп, то есть от «старых руководителей», которые заменяются менеджерами. Если ранее действовали принципы стажа и заслуг, то сейчас к требованиям по руководству высшей школой предъявляется критерии, которые связаны с деловитостью, знанием финансовых схем,

коммуникативными технологиями, владением информационными ресурсами. Это, с одной стороны, является определенным шагом вперед в рамках реформирования структуры высшей школы к запросам государства и бизнеса, расставания с системой отложенной безработицы. С другой стороны, сформировавшаяся в прошлый период иерархия профессиональных предпочтений, таких как зарабатывание средств в вузе, вносит ограничения, ставит необходимость не принимать завышенные «планки».

Следует подчеркнуть, что российское высшее образование уже пережило период экстенсивного академизма, когда наблюдался переток специалистов из системы отечественной науки в вузы и формировались гибридные частные вузы под влиянием коммерциализации образовательных услуг.

В настоящий период времени завершена аккредитация вузовской системы, которая позволила заблокировать «бесконечный вал» получения дипломов и связана с определенным государственным вмешательством на финансовом, административно-правовом и кадровом уровнях. Иначе говоря, начал учитываться неоднозначный опыт автономии вузов (вузовской демократии) в рамках централизации образовательной политики. Это было связано с необходимостью контроля над финансовыми и организационными ресурсами, а также с последовательной селекцией вузов в системе высшего образования.

Такое явление двояко воздействует в настоящее время на становление академизма в системе высшего образования. С одной стороны ориентация на академизм приняла планированные формы, исчезла спонтанность, непродуманность в сфере интеграции академизма в вузовскую среду. С другой — российские вузы испытывают дефицит академических практик, связанных с тем, что лучшим образом зарекомендовали себя научно-исследовательские университеты, где академическая традиция восходит к советскому периоду. Тем самым наблюдается тенденция разрыва между готовностью к становлению академических структур в системе высшего образования и реальным положением, связанным с диапазоном воздействий академизма на действующие образовательные и профессиональные программы.

Поясняя эту мысль, мы вынуждены констатировать, что требуется мониторинг эффективности действия образовательных структур, поскольку не может подвергнуться критике в целом здоровая традиция создания университетских центров, характеризующих собственное становление академизма в России, требуется диагностический инструментарий для выявления различий между центром, возникшим в прошлом, и сформированным по образцу институтов советского и постсоветского периодов.

Дело в том, что академизм в старых университетских центрах связан с фундаментальными исследованиями, теоретическими разработками и подготовкой образовательного университетского профиля в рамках реформирования институтов в университеты. Между тем, говоря о современном вузовском образовании, необходимо отметить, что невозможно вернуться к классическому образованию, основанному на литературе, древних языках, что по факту является узкой гуманитарной специализацией. Также было бы иллюзией считать, что современные университеты снимают противопоставления между гуманитарным и естественнонаучным образованием.

Реально, современный академизм строится на интеграции этих образовательных циклов через создание междисциплинарных кафедр и дисциплин, хотя специальное и фундаментальное образование целесообразно сохранить как ориентированное на запросы в современной экономике, социальной сферы и социальной безопасности. Вероятным представляется включение свободного образования, т.е. создание системы подготовки специалистов в системе высшей школы, у которых формируются креативные способности, совместимые с научно-исследовательскими работами и получением полезных результатов, связанных с необходимостью непрерывного образования, постоянной переквалификацией и переподготовкой с целью заблокировать риски с узкой специализацией, не имеющей полезной стоимости в вузовской системе.

Действующие программы бакалавриата и магистрата в высшем образовании, в принципе, отражают тенденцию академизма, так как есть нужда в специалистах-при-

кладниках и в представителях высокоинтеллектуальных специалистов. В этот процесс вмешиваются влияния высоких технологий, поскольку наблюдается политика тотальной информатизации. В этом контексте целесообразно разобраться и проанализировать, в какой степени информатизация имеет смысл для специалистов.

Соответственно, оказывается, что академизм высшего образования предполагает некоторые ограничения в действиях схемы фундаментального знания и допущений, чтобы выйти за пределы установленной специализацией границ применимости знаний. Эту мысль следует трактовать, так что академизм является ориентиром в системе профессиональной социализации, нацеленным на то, чтобы с первых годов жизни студент как актер высшего образования был подвергнут процедуре селекции, а также на формирование научно-исследовательских коллективов, действующих по вузовскому или государственному заказу.

Как отмечала российский исследователь М. Д. Сорокина, изменения в отечественном образовании связаны со сдвигами в социальной структуре российского общества [8]. Этот внешний социологический факт влияет на перспективы академизма в высшем образовании, так как происходит деление на элитарные и массовые вузы. Разумеется, элитарные вузы имеют высокий уровень научно-технической и научно-методологической оснащенности качественным преподавательским составом, множеством персональных курсов для преподавателей и более высокой степенью внимания со стороны государственных структур.

Однако нельзя придерживаться позиции, что элитарные вузы есть перспективные академические структуры, так как в них слабо прослеживается идеал «Университета», и нельзя полагаться на образцы классического образования. «Массовые вузы», которые характеризуются доминированием выходцев групп с базовым социальным статусом и во многом ограничены в возможностях образовательных инноваций, могут быть ориентированы на академизм в «идеале», если для этого наблюдаются реальные перемены в форме прорывных исследовательских проектов, создание интегрированных с бизнесом структур,

регионализация вузовской системы, то есть создание конкурирующих академических центров в провинции.

Для анализа предложенного аспекта целесообразно руководствоваться классификацией В. В. Ильина, для которого критика инструментального разума, приложенного к высшему образованию, является осознанием сложности появления человека творческого как субъекта академизма [3]. В. В. Ильин утверждает, что современные когнитивные технологии, моделирование, проектирование являются стимулами технологизации высшего образования и не создают креативных алгоритмов в образовательной деятельности. Между тем развитие академизма до сих пор не имеет ясных контуров, и в этом контексте научно-исследовательские университеты являются «компромиссом» направленных на смягчение трудностей, связанных с академизмом высшего образования.

Можно согласиться с В. В. Ильиным в плане конвергенции наук и технологии в системе высшего образования, с допущением, что в наиболее оптимальном выражении можно выделить уже действующие и имеющие академическую традицию университетские центры (Новосибирск, Томск, Нижний Новгород). В этом контексте они выглядят более состоявшимися, чем имеющий противоречивую репутацию Сколков или набирающий силу как центр информационных технологий Иннополис в Татарстане. В связи с этим весьма неоднозначна попытка рассматривать целью вузовской системы категорию человеческих ресурсов, призванных обеспечить прогресс. Как отмечает российский философ И. О. Долженко, ситуация выражена в том, что исчезает критерий «хорошего в образовании для человека» и проводится политика корпоративных интересов [8].

Актуальным можно считать, что информатизация как инструмент реформирования высшего российского образования явно недостаточна для того, чтобы в рамках академизма ориентироваться на образование для человека, самообразование, непрерывное образование. Здесь приходит на ум концепция общества, основанного на знаниях и предложенного МВФ в 90-е гг. XX в., когда провозглашена была идея высшего образования, построенного в рамках ресурсного под-

хода [14]. Несмотря на убедительные фразы о том, что высшая школа обеспечивает высокий уровень квалификации на всех рынках труда, важной является профессиональная подготовка как двигатель национальной подготовки. В связи с этим остается вопрос, как данное положение может быть применимо к системе российской высшего образования, где по традиции работают гуманитарные показатели ориентации высшего образования на подготовку человека творческого.

Так как в стране произошли перемены в экономике и в социальной сфере, то обнаружилось отставание в науке и технике. Вероятно, необходимо рассматривать развитие академизма в высшем образовании для решения двух взаимосвязанных задач в подготовке человека творческого и в достижении технологического суверенитета. Эти задачи взаимодополнительны, так как реально технологический прогресс и суверенитет, являясь коллективной программой действия, основывается на активности творческих личностей, не ссылаясь на примеры технологических самородков (эффект И. Маска) и роста собственных поколений «Кулибиных».

Существует запрос на расширение программ по формированию творческих способностей в студенческих и в образовательных коллективах. Вероятно, первым шагом можно считать сужение социальных дифференциаций элитарных и массовых вузов и постоянный мониторинг вузов относительно творческого потенциала через систему конкурсов, грантов, «поисковых экспедиций». Также требуется внимательная и постоянная поддержка в инновациях в системе массовых вузов с целью определить академизм в качестве критерия их работы.

Очевидно, что влияние информатизации ограничивает дискурс академической традиции и концентрирует внимание субъектов высшей школы на информационное поле. Следует отметить, что внешне привлекательная идея создания ресурсных центров для развития новых форм академизма сместилась на процедурные механизмы. Это негативно выразилось в том, что вузы вынуждены затратить немалые усилия на аккредитацию в качестве научно-исследовательских. В этом контексте немаловажным моментом является конструирование и органическое вращение

в вузовское пространство для формирования координационных центров, включающих группы, которые объединяет инновационная ориентация, когда представители науки, образования и бизнеса опираются на перспективный творческий слой, не ограничиваемый вузовской молодежью и работающий в алгоритме межпоколенческого взаимодействия.

В условиях перманентности перемен в вузовской системе трудно было бы ожидать формирования устойчивой политики академизма. Отмечая ранее, что российские вузы в современных условиях являются центрами поддержания национальной безопасности, доминирующей становится политика технологического суверенитета. Необходимо говорить о сужении точек бифуркации, о принципе форматирования дискуссионного поля, в котором находится вузовская система. Это налагает ограничения на поддержание фундаментальных наук как работающих в отрыве от поставленных руководством страны задач.

Если вспомнить, что отечественная академическая наука, а это находит свое выражение в современной кадровой политике, является мощным инструментом поддержки обороноспособности страны, создания современных космических и ракетных комплексов, то академизм высшего отечественного образования может быть ориентирован на создание информационных центров поддержки национальной безопасности и реформирования академизма в рамках решения актуальных задач, подготовки высокообразованных специалистов.

Когда говорится о повышении запроса на «айтишников», речь идет действительно о реальной проблеме информатизации современной войны и соответственно об осознании необходимости к ней приспособиться. Эта отмеченная задача имеет оперативное значение в стратегическом контексте, поэтому отечественная школа работает на связь настоящего и будущего, на то, чтобы в системе высшего образования действовали полидисциплинарные дискурсы, отвечающие конечной стратегической цели формирования человека творческого, реально способного продолжать традицию академизма.

Разуется, в этом смысле важно учитывать и изменения в экономической сфере российского общества в переходе к идеалу человека

размерности в высшем образовании через изменение ресурсоцентризма, экономики сырьевой ренты в пользу интеллектуальных технологий. Как свидетельствует динамика развития высшего образования, становление академизма в контексте постнеклассической науки является конструктивистским процессом, то есть определяется дискурсом диалога между гуманитарным, естественнонаучным и техническим знанием в трактовке академизма.

Здесь важным является региональный аспект, т.е. инфраструктура вуза, способная обеспечить равновесие в формировании творческих специалистов, снизить или блокировать возможности интеллектуальных перетоков, воспроизводящих неравенство регионального развития и трудности в преодолении социально-экономической депрессии и стагнации.

Именно включение региональных вузов в систему академизма вызывает реальную перестройку в профессиональной подготовке не только для региональных рынков труда, но и для формирования в регионах инновационных ниш, ориентированных на расширение самостоятельности и привязанности к региональным проблемам.

Таким образом, академизм в определенной степени регионализируется и технологизируется, когда вузовская система развивается по пути специальных междисциплинарных исследований и концентрирует внимание не на определенных аспектах технологического развития, а на взаимодействии с авторитетными академическими центрами. При этом развитие академизма как механизма социокультурных и социопознавательных умений в вузовской системе является прогнозируемым, если включено в дискурс государственной и региональной образовательной политики.

Очевидно, что это предполагает формирование стратегий поддержки академизма как основного вектора развития вузовской системы. В этом контексте недостаточно ограничиваться классическими нормами академизма. Если говорить о выработке контура общих целей, о саммобилизации вузовского сообщества, чтобы стать инициатором изменений, должно произойти активизирование субъектов высшего образования, а для того чтобы перемены не были преходящими и ака-

демизм не стал конъюнктурной компанией, работают структурные доминанты и субъективные характеристики действия.

Таким образом, возникает запрос на субъект социального действия, поведение которого характеризуется солидарностью целей и стратегий. Мы неслучайно привели подробное высказывание Клива, поскольку это соответствует методологическому выбору и главное — адекватно предметному полю исследования и является завершающим в конфигурации исследовательских изысканий, посвященных данной теме.

Заключение. Таким образом, история развития и современное состояние академизма в российском высшем образовании является интегративной проблемой, определяющей настоящее и будущее отечественной образовательной системы. Академизм, выступая в качестве вектора развития высшего образования, является культурно-историческим явлением и выражается в схеме фундаментального знания и фундаментальных дисциплин в идеале классического университета [2]. В этом контексте современный академизм есть формирование дискурса конвергенции классического и постнеклассического образования, мобилизации субъектов высшего образования при адекватных структурных переменах на принятие академизма в качестве субъектной характеристики возможности инноваций в высшем образовании с целью решения поставленных государством и обществом задач, особенно в сфере национальной безопасности. Данный вывод не противоречит, а в значительной степени дополняет и расширяет классическую формулу традиции академизма как традицию фундаментализма. К этому выводу приходим, когда высшее образование в России пережило период часто непродуманных перемен и является переходом от системы инерционного типа к саморазвивающейся, где важным моментом является формирование дискурса координации государства, региона и вуза.

Очевидно, что исследование по данной проблематике нуждается в углублении и масштабировании, что академизм становится выбором отечественного образования, учитывая опыт реформирования вузовской системы, которое принимает планируемый характер в ус-

ловиях достижения технологического суверенитета стран. Это обстоятельство усиливает запрос на формирование человека творческого, наследника человека образованного, в переходе от классической узкой трактовки академизма к широкой, связанной с реальностями современного мира. Подчеркнем, что представленный вывод содержит следствие в форме диагностики образовательной системы для определения деструктивных и позитивных перемен, связанных с академизмом как схемой гармонизации традиции и инноваций нахождения точек соприкосновения между гуманитарным, естественнонаучным и техническим образованием. Человек творческий становится движущей силой в формате коллективного действия, и важный момент из вышесказанного состоит в том, что история и современность академизма наиболее отчетливо выражены в консолидации вузовской системы и науки, в формировании лучшего будущего для российского общества.

Список источников

1. Алиева Н.З. Естественнонаучное образование в контексте постнеклассической науки: монография. Шахты: ГОУ ВПО «ЮРГУ-ЭС», 2009. 291 с.
2. Белозерцев Е.П. Образование: историко-культурный феномен. Курс лекций. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 704 с.
3. Ильин В.В. Теория познания. Критика инструментального разума. Speciosa Miracula: тотальный мировейник: монография. М.: Проспект, 2020. 160 с.
4. История науки в философском контексте. Посвящается памяти Владимира Ивановича Кузнецова (1915–2005): сборник статей. СПб.: РХГА, 2007. 589 с.
5. Очерки по философии образования. Учебное пособие / О.В. Долженко. М.: Про-мо-Медиа, 1995. 240 с.
6. Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. 640 с.
7. Самосознание культуры и искусства XX века. Западная Европа и США. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 640 с.
8. Сорокина Н.Д. Образование в современном мире (социологический анализ): мо-

нография. М.: Экономика и финансы, 2004. 224 с.

9. Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под ред. И.Т. Касавина. М.: Канон+, Реабилитация, 2010. 712 с.
10. Социальное мышление и деятельность: влияние новых интеллектуальных технологий / Труды Института системного анализа Российской академии наук. М.: Едиториал УРСС, 2004. 464 с.
11. Тернер Ф.М. Европейская интеллектуальная история от Руссо до Ницше / Под ред. Р. Лофтхауса; пер. с англ. Т.О. Новиковой. М.: Кучково поле, 2016. 384 с.
12. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхиной; под ред. Е.Л. Варановой. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
13. Философия науки и техники: учебное пособие. М.: Контакт-Альфа, 1995. 384 с.
14. Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы / Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2003. 232 с.

References

1. Alieva N.Z. Estestvennonauchnoe obrazovanie v kontekste postneklasscheskoj nauki: monografija [Natural science education in the context of post-secondary science: monograph]. Shahty: GOU VPO «JuRGUJeS», 2009. 291 p. (In Russ.).
2. Belozercev E.P. Obrazovanie: istoriko-kul'turnyj fenomen. Kurs lekcij [Education: a historical and cultural phenomenon. Course of lectures]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo R. Aslanova «Juridicheskij centr Press», 2004. 704 p. (In Russ.).
3. Il'in V.V. Teorija poznanija. Kritika instrumental'nogo razuma. Speciosa Miracula: total'nyj mirovejnik: monografija [Theory of cognition. Criticism of instrumental reason. Speciosa Miracula: the total collar: a monograph]. Moscow: Prospekt, 2020. 160 p. (In Russ.).
4. Istorija nauki v filosofskom kontekste. Posvjashhaetsja pamjati Vladimira Ivanovicha Kuznecova (1915–2005): sbornik statej [The history of science in a philosophical context. Dedicated to the memory of Vladimir Ivanovich Kuznetsov (1915–2005): collection of articles]. Saint Petersburg: RHGA, 2007. 589 p. (In Russ.).

5. Oчерki po filosofii obrazovanija. Uchebnoe posobie [Essays on the philosophy of education. Textbook]. O.V. Dolzhenko. Moscow: Promo-Media, 1995. 240 p. (In Russ.).
6. Rossija: transformirujushheesja obshhestvo [Russia: a transforming society]. Pod red. V.A. Jadova [In V.A. Yadov (eds.)]. Moscow: KANON-press-C, 2001. 640 p. (In Russ.).
7. Samosoznanie kul'tury i iskusstva XX veka. Zapadnaja Evropa i SShA [Self-awareness of culture and art of the XX century. Western Europe and the USA]. Moscow; Saint Petersburg: Universitetskaja kniga, 2000. 640 p. (In Russ.).
8. Sorokina N.D. Obrazovanie v sovremenom mire (sociologicheskij analiz): monografija [Education in the modern world (sociological analysis): monograph]. Moscow: Jekonomika i finansy, 2004. 224 p. (In Russ.).
9. Social'naja jepistemologija: idei, metody, programmy [Social epistemology: ideas, methods, programs]. Pod red. I.T. Kasavina [In I.T. Kasavin (eds.)]. Moscow: Kanon+; Reabilitacija, 2010. 712 p. (In Russ.).
10. Social'noe myshlenie i dejatel'nost': vlijanie novyh intellektual'nyh tehnologij [Social thinking and activity: the impact of new intellectual technologies]. Trudy Instituta sistemnogo analiza Rossijskoj akademii nauk [Proceedings of the Institute of System Analysis of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Editorial URSS, 2004. 464 p. (In Russ.).
11. Terner F.M. Evropejskaja intellektual'naja istorija ot Russo do Nicshe [European Intellectual history from Rousseau to Nietzsche]. Pod red. R. Lofthausa [In R. Lofthouse (eds.)]; per. s angl. T.O. Novikovej. Moscow: Kuchkovo pole, 2016. 384 p. (In Russ.).
12. Ujebster F. Teorii informacionnogo obshhestva [Theories of information society]. Per. s angl. M.V. Arapova, N.V. Malyhinoj; pod red. E.L. Varanovoj [In E.L. Varanova (eds.)]. Moscow: Aspekt Press, 2004. 400 p. (In Russ.).
13. Filosofija nauki i tehniki: uchebnoe posobie [Philosophy of Science and Technology: studies manual]. Moscow: Kontakt-Al'fa, 1995. 384 p. (In Russ.).
14. Formirovanie obshhestva, osnovannogo na znaniyah. Novye zadachi vysshej shkoly [Formation of a knowledge-based society. New tasks of higher school]. Per. s angl. Moscow: Ves' Mir, 2003. 232 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.09.2022; одобрена после рецензирования 02.10.2022; принята к публикации 13.10.2022.
The article was submitted on 25.09.2022; approved after reviewing on 02.10.2022; accepted for publication on 13.10.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ



Дегтярев Александр Константинович — доктор философских наук, профессор Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.
Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Alexander K. Degtyarev — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).
132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia